СЕРГЕЙ СНЕГОВ
ЭКСПЕДИЦИЯ
В ИНОМИР
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сергей Александрович Снегов

Галактическая одиссея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141293
Экспедиция в иномир: Научно-фантастические повести: Детская литература; Москва; 1983

Аннотация

Известный конструктор приходит к легендарному астронавту Гамову, чтобы услышать его мнение о своей модели космического корабля. А тот рассказывает историю своего последнего путешествия...

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 10
Глава третья 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Сергей Снегов
Галактическая одиссея

Глава первая
ВЕЛИКИЙ АРН НА ПОКОЕ

Что Арнольд Гамов, выйдя на пенсию, уединился в домике на заповедной Куршской косе юго-восточной Балтики, мне было известно. И что он не откликается на телефонные звонки, не отвечает на письма и телеграммы, не принимает приглашения на торжественные встречи и деловые совещания, тоже не составляло секрета. Я все же решился проникнуть к нему. Я надеялся, что самый знаменитый звездопроходец нашего времени заинтересуется моделью сверхмощного галактического крейсера, разработанного в нашем конструкторском бюро. Экспертная комиссия Большого Совета отвергла этот вариант космического корабля, компьютер Института Звездонавигации из ста восьмидесяти тысяч слов, хранившихся в его памяти, выбрал только два для оценки конструкции: «Неразумно смело». После такого убийственного заключения нам оставалось лишь поднять руки. Мои сотрудники, не пожелав сдаваться, задумали привлечь к экспертизе Гамова.

Но он не ответил на письмо. Институтские астронавигаторы ехидничали: легче-де спроектировать новый корабль на «отлично», чем добиться от старого поисковика хотя бы малого знака внимания. Тогда я взял расчёты и чертежи и вылетел к Гамову. Я знал, что у него живёт садовник Таллиани и что тот лишь по профессии садовник, а по призванию – цербер: свирепо спроваживает любого сразу после фразы «Здравствуйте, я хотел бы…», а кто немедленно не убирается, тому предстоит любоваться распахнутыми пастями трех чудовищных догов, ждущих лишь сигнала, чтобы прыгнуть. Признаться, я не очень верил таким россказням. В прошлом, говорят, бывали и злые сторожа, и цепные собаки, и замки на дверях, и прочие жуткие вещи, о которых ныне давно забыли. Правда, от Арнольда Гамова, когда он ходил в дальний поиск, всегда ждали необычайного. «Чудаковатые находки вполне в духе великого Арна», – выразился о его открытиях друг Гамова Крон Квама. Не удивительно, что и на Земле он, постаревший, но сохранивший прежнюю чудаковатость, не слишком считался с обычаями.

Это вступление должно объяснить, почему я три раза звонил у ворот, не решаясь перешагнуть порога. Никто не откликался. Не показывался и садовник Том Таллиани, которым меня пугали, не появлялись готовые разорвать исполинские псы. Я прошёл по дорожке, обсаженной сиренью и розами, к домику. Кончался май, сирень пьяно цвела, распускались розы. В липах, обступивших дом, заливались соловьи. Домик был одноэтажный, три окна на дорогу, столько же на море, с верандой на юг. Постучав в дверь, я убедился, что она не заперта, и вошёл. В доме было пять комнат, четыре небольшие, одна побольше, со стереоэкраном и стеклянными шкафами – что-то вроде музея минералогии и чучел неземных животных. Никого в комнатах не было. Я вышел на веранду. От неё шла дорожка на берег. Я направился к морю.

Садик метрах в двадцати от домика упирался в береговую дюну. Песчаная, невысокая, засаженная – для крепости – колючими кустиками, дюна служила естественной защитой от моря: даже в бурю волне не одолеть такой преграды. Балтика, светлая, в белой пене катящихся на берег волн, открылась наотмашь. Шёл шторм с юго-запада, странный, мало напоминающий обычные бури, когда ветер гонит валы, клонит деревья, свистит травой и ветками, вздымает песок. Волны взметались немалые, метра на два, а ветра не было. Зрелище безветренной бури захватило меня, я не вдруг заметил старичка, согнувшегося на склоне дюны. Он был похож на замшелый пенёк, седой, лохматый, в сером, плотно облегающем комбинезоне. Он не обернулся, только тихо сказал – и я сразу узнал глуховатый, протяжный голос, столько раз слышанный со стереоэкрана:

– Садитесь, и помолчим, хорошо?

Пристроившись рядом, я искоса поглядел на него.

Голос за те двадцать лет, что «великий Арн» отошёл от дел, изменился мало, хотя и в нем появилась старческая хрипотца, но лица и фигуры я бы не узнал, встреться мы ненароком.

Седина, и раньше густая в тёмных волосах, теперь стала сплошной и жёлто-золотистой, щеки запали, на руках вздулись синие жилы, гладкую кожу взбугрили узлы. Только нос, внушительный, как труба, – «на троих создавался, одному достался», – остался прежним, даже казался крупней на сжавшемся лице. Я описываю так подробно внешний вид Гамова, потому что мне выпало грустное счастье одним из последних видеть его – и он уже мало походил на свой канонизированный портрет.

– Смотрите! – прошептал он, будто боясь громким звуком что-то спугнуть. – Смотрите, ведь как красиво!

Он показал на море, и я повернулся к морю. Солнце шло слева, от суши на воду, весеннее, низкое, и близился вечер, а волны, накатываясь, как бы вырастали у береговой кромки, и летящая над ними пена ещё прибавляла высоты. И я увидел воистину удивительную картину. Балтика, всегда зеленовато-стальная, летом больше зелёная, зимой больше стальная. Она и сейчас была такой, когда взгляд охватывал большое пространство, но волны, вздымавшиеся передо мной, светились полупрозрачно-красным, как крымские сердолики. Эта сумрачная краснота шла изнутри, прорывалась сквозь поверхностную зеленоватость глубинным жаром. А пена, летевшая над гребнем, чуть впереди него, была не белой, а розовой, волны, косо мчавшиеся на песок, шли от солнца, разбивались не всей стеной, но от южного своего конца к северному, и пена той части волны, что взмётывалась на берег, вдруг прощально ярко вспыхивала. И по всему гребню, по всей его розовой пене бежал от одного конца к другому огонь и погасал в отдалении, а на берег надвигалась новая волна с розовым воротником, и по ней опять бежал от одного края волны к другому густой огонёк.

– Из такой розовой пены родилась Афродита, – сказал я.

– Вот такую же розовую пену мы наблюдали на Кремоне, – тихо отозвался он. – Там погиб астробиолог Пётр Кренстон. И, спасая его, отдали жизнь ещё двое. Вы слыхали об этом?

– Кто же не знает о вашей высадке на Кремоне!

Он упёр локти в колени, охватил лицо ладонями, не отрывал глаз от полупрозрачных, как бы раскалённых изнутри волн с розовыми венцами пены, и я тоже вглядывался в них, и слушал грохот воды, и вдыхал пахнущий морем воздух, и меня заполняло ощущение сродни сладкому дурману: пена, раскатываясь на песке, превращалась в летящую взвесь, я пил её и хмелел и, поглощая розовый туман, сам как бы становился полупрозрачным и красноватым, во мне тлел внутренний жар, мне хотелось посмотреть на себя со стороны и убедиться, что как солнце светит сквозь вздымающуюся стену волны, так и сквозь моё тело, окрашенное в красное, просвечивают предметы, что позади.

– Собственно, кто вы такой и зачем явились? – услышал я вдруг.

Гамов теперь смотрел не на море, а на меня – недоверчивый, строгий взгляд отстранял меня от волн, выталкивал из дурмана.

Я вяло пробормотал:

– Не мешайте, здесь так красиво!

Он расхохотался, потом сказал:

– Я рад, что до вас дошла магия вечерних, безветренных волн. Афродита, между прочим, родилась в утренней, а не в вечерней розовой пене. Если бы вы явились на утренней зорьке во время наката с востока, а не с запада, как сейчас, то праздник рождения богини дошёл бы до вас во всем величии. Итак, кто вы такой и что вам нужно?

Я довольно путано объяснил, чего мои сотрудники и я желаем. Он покачал головой. Нет, наша просьба неосуществима. Он позабыл о космосе. Он слишком мало жил на Земле, на зеленой, на прекрасной, на материнski доброй Земле. Пусть не мешают ему последние годы жизни дышать лишь ею, думать лишь о ней, прикасаться к её траве, её воде, её снегу, её влажной почве…

Он говорил все это, закрыв глаза, нараспев, он декламировал. Не утерпев, я прервал его:

– Чепуха, Арн! Вы смотрите на божественное зрелище вечерней земной зари, а вспоминаете трагедию на Кремоне. Вы не отстранитесь от космоса, и космос от вас неотстраним.

Он приподнялся. Он был невысок. На меня глядели с худого лица не по-стариковски голубые живые глаза, жёлто-белые волосы, упавшие вдоль щёк, подчёркивали яркость глаз. Он был похож на святого, грозящего грешникам с древней иконы. Лишь несоответствие лика великомученика и гибкой худощавой фигуры выдавало характер – святости было не ждать у лихого астроразведчика Арнольда Гамова.

– Вы говорите о космосе, юноша, – сказал он хмуро. – А что знаете о нем? Два—три галактических рейса, стажировка на ближних планетах, командировка куда-нибудь в дальний уголок, так? Космос – ваша профессия, верно? А душа где?

– Я был на Кремоне, где мало что напоминает, какой вы её впервые увидели. Но трагедия Кремоны может повториться в других местах. Моя профессия – делать такие происшествия невозможными. Разве этому нельзя отдать душу?

– Вы строитель галактических кораблей? «Орион» – ваше детище?

– «Орион» спроектирован у нас, я главный конструктор.

– Хороший корабль, – сказал он задумчиво. – В моё время таких не было. Сколько бы жизней мы сохранили, если бы шли не на «Икаре», а на «Орионе».

– «Орион» – плохой корабль. Лучше «Икара», но хуже того, какой мы сейчас предлагаем. Вам достаточно познакомиться с расчётами, чтобы в этом убедиться.

Его глаза стали рассеянными. Он смотрел внутрь себя, оглядывался на прошлое. Потом он вздохнул и возвратился в настоящее. Улыбка преобразила его лицо, оно, помолодев, перестало быть ликом. Он откинул за уши жёлто-белые волосы и протянул руку:

– Здравствуйте, Василий Грант. Я много слышал о вас. В моё время немало было дерзких конструкторов, но, кажется, вы всех отчаянней. Говорят, что, если вас не удовлетворяют законы природы, вы исправляете их, правда? – Он не дал ответить и продолжал: – Но вы совершаете тривиальную ошибку – хотите техническими новшествами предотвратить все опасности. Кое-что это даёт, не спорю. А если главная опасность – страсть души? Сколько киловатт развивает гнев? Печаль и скорбь – какова их мощь? И какое тормозное усилие в унынии? И какой дополнительный импульс в честолюбии?

– Не понимаю, Арн.

– Поймёте. Пойдёмте.

Он заскользил с дюны. Я шёл за ним. У садика я обернулся к морю. Солнце садилось, и волны и пена были уже не розовыми, а кроваво-красными. Гамов отворил калитку сада и нажал кнопку на воротах. У соловьёв настал час вечернего азарта, они техкали отовсюду. На дорожке вдруг возникли три гигантских чёрных пса – широко разверстые пасти злобно нацелились на меня. Я замешкался. Гамов рассмеялся:

– Ужасов дальнего космоса не страшитесь, трех безобидных существ испугались!

Доги остановились, Гамов шёл прямо на них. Все собаки радуются, увидев хозяина. Эти и не помыслили вилять хвостом и строить умильные морды. Я шёл за Гамовым, сознавая, что сближение со страшилищами не сулит добра. Но Гамов прошёл сквозь них. Он сделал знак не отставать, и я пересёк туловище среднего дога, не ощутив сопротивления.

Пройдя несколько шагов, я обернулся. Псы двигались позади, и морды их так же свирепо скалились.

– Неплохо сработано, – сказал я, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Оптическая иллюзия?

– Стереообраз. Каждый дог может совершать сто тридцать два движения, включая лай, ворчание и ласку. Их придумал Гюнтер Менотти на «Икаре». Здесь его создания отпугивают непрошеных посетителей. Уходя к морю, я забыл включить аппарат, а то бы вы так легко до меня не добрались.

– Ваш сторож Том Таллиани – тоже стереообраз?

– Он-то живой. Но на эту ночь уехал в Клайпеду. Входите, конструктор Василий Грант.

В комнату, куда он ввёл меня, я уже заглядывал. Тогда она показалась похожей на музей минералов и чучел. Но это был скорее кабинет, а не музей, она вся была полна книг, ящичков с плёнками и фотографий старинного образца – изображения менялись, когда менялся угол зрения, – а всего больше звёздных карт, плоскостных и стереоскопических.

В углу стояли два кресла, массивные, прочные. Я сел в одно, Гамов в другое. Между шкафами висел веерок фотографий, две женщины и семь мужчин – знаменитый экипаж «Икара», в таком составе он стартовал в дальний поиск с Галактической базы на Латоне.

– Да, – сказал Гамов. – Молодые, красивые, энергичные… Не все вернулись, но если бы мы и знали свою судьбу, ни один не отказался бы от похода. Ибо что смерть? Неизбежность! Три столетия биологи обещают одарить нас бессмертием, но дальше долголетия не пошло. Нет, мы не страшились смерти как таковой, мы боялись преждевременной смерти, ибо она означала, что наша цель не будет достигнута. Трое узнали именно раннюю смерть…

– Техническая подготовка вашей экспедиции…

Он вспылил. Каждому, изучавшему экспедицию на «Икаре», известно, что её руководитель иногда впадал в такой гнев, что от него шарахались. Гамов впился в меня побелевшими глазами. Гнев его, впрочем, угас столь же быстро, как и зажёгся. Он сказал с какой-то грустной иронией:

– Опять техническая подготовка!.. Она была прекрасной.

– Я читал ваши отчёты, заключения следственных комиссий, научные монографии о вашем рейсе.

Он пренебрежительно махнул рукой:

– Поздравляю. Мне не удалось одолеть все, что написали о нас. Не сомневаюсь, нашли бездну умного. Ну и что? «Икар» был лучше подготовлен к дальнему рейсу, чем мы, его экипаж. Не уверен, что это понимают даже умные конструкторы.

Гамов своими туманными намёками на свойства характера, будто бы мешавшие удаче рейса, начал меня раздражать. Я был бы плохим конструктором, если бы согласился, что техническая оснащённость – что-то второстепенное. И рейс «Икара», несмотря на понесённые жертвы, был на редкость успешным, результаты его крупно обогатили науку о космосе – сетования на неудачи звучали неискренне.

Никого теперь не удивляет, что в полёте среди членов экипажа появляются разногласия. Наука о совместимости характеров пока достижениями не блещет: разводятся порой и влюблённые.

Я не постеснялся именно так ответить Гамову.

– Не понимаете, юноша, – сказал он с досадой. – Совместимость у нас была идеальной. Мы любили друг друга! Но как бы это сказать?.. Могли смотреть на одно явление и видеть его по-разному.

– Боюсь, ваши объяснения не доходят до меня.

Он опять впал в отрешённость, как бы одеревенел, глаза стали тусклыми – смотрели и не видели. Не сомневаюсь, что в эти минуты перед ним возникали тысячи воспоминаний.

Вернувшись в реальность, он засмеялся.

– Не могу сказать, чтобы вы были деликатны. Я никого не принимаю, никуда не выезжаю, ни с кем не беседую, а вы моими категорическими «нет» пренебрегли. Даже страшные доги вас не испугали. Впрочем, я забыл их включить, это моя оплошность. Знаете, а вы хорошо сделали, что не посчитались с моими странностями. Одиночество все же томительно. Не надейтесь, что я увлекусь вашими чертежами. Но поговорить о рейсе «Икара» могу, возможно, вы что-нибудь и для себя извлечёте полезное. Идёт?

Я, естественно, согласился.

С той беседы прошло больше года. Недавно человечество узнало о смерти прославленного звездопроходца. На торжественную церемонию внесения праха Арнольда Гамова в Пантеон прибыли астронавигаторы и поселенцы с дальних планет, их было больше, чем землян. Наше конструкторское бюро, спроектировавшее семьдесят лет назад галактический крейсер «Икар», получило три пригласительных билета. Первый предложили мне. Я не пошёл. Я хотел оставить в памяти образ человека, пожилого, усталого, телесно уже почти немощного, но сохранившего такую живую душу, смотревшего такими живыми глазами, хотел слышать его глуховатый голос, так непрестанно менявшийся – то насмешливый, то категоричный, то гневный, то грустный, звучавший порой такой печалью… Наши предки говорили: «В человеке ищи душу живу». Мне кажется, я нашёл в той долгой ночной беседе «душу живу» великого странника Галактики, я боялся ослабить память о ней церемонией внесения его мёртвого тела в уготованное навечно жилище. В Столице были развешаны траурные флаги, звучала скорбная музыка, а я улетел за город, и сидел в саду, и думал о живом, а не мёртвом Гамове, о маленьком, умном, добром, вспыльчивом старичке, – и как бы въяве блуждал с ним по главам его долгого галактического путешествия…

Был вечер, и была ночь, и подошло утро, а он все говорил, а я все слушал…

Глава вторая
ПОГОНЯ НА МИЛЛИОНЫ ЛЕТ

-Для своего времени «Икар» был первоклассным галактическим кораблём, – так начал Арнольд Гамов. – Могучие аннигиляторы пространства безотказно обеспечивали сверхсветовые скорости. Я особо подчёркиваю это обстоятельство, ему мало придаёт значения новое поколение астронавигаторов, считающих движение вне эйнштейнового пространства не чудом человеческого гения, а обыденной операцией. Но мы, экипаж «Икара», понимали, что сотворено чудо, и благоговели перед величием людей, сумевших преодолевать пространство, уничтожая его вокруг себя. Вы легко сделаете отсюда вывод, что «Икар» для нас отнюдь не был некой космической гостиницей. Мы видели в нем воплощение технического волшебства, вручённое нам, особо отмеченным, как высочайший дар. Восхищение кораблём нас прочно объединяло.

Но не только это. Мы на редкость подходили друг к другу. Два года нас испытывали на дружбу в тяжелейших условиях Плутона, потом среди вулканов Гефесты и на жутких равнинах Цереры, двух планетах в системе Альтаира. На дружбу, юноша, не на совместимость! Одной совместимости мало для дальнего поиска, нужна любовь. Так вот, любовь была! Мы составили редкостный коллектив – девять влюблённых друг в друга молодых астронавигаторов. Бывают влюблённые пары, это естественно и тривиально. Влюблённая девятка – нечто исключительное, согласитесь. Мы были таким исключением и гордились этим. Если один долго отсутствовал, остальные восемь тосковали. А если отсутствовали двое, семь нервничали, теряли аппетит. Я добавлю ещё деталь, хоть, возможно, вы о ней знаете. Гюнтер Менотти, первый астроинженер, и Пётр Кренстон, биолог, были влюблены в Анну Мейснер, нашего астрофизика. На Земле, нет сомнения, Анна вышла бы замуж за Петра и отвергла Гюнтера. Но в экспедиции на «Икаре» она пожертвовала любовью ради высшей цели – именно так она объявила мне – и никогда не оказывала Кренстону предпочтения перед другими, а оба они, Гюнтер и Пётр, ни разу не показали, что она для них значит больше, чем остальные… Слово «показали» – нехорошее, оно наводит на мысль о неискренности, оно ассоциируется с известной бранью предков: «показуха». Неискренности не было, была гармония! И как живое существо, теряя какую-либо свою часть, превращается в инвалида, так и наш коллектив, утратив одного из девяти, становился покалеченным. В этом всецелостном единстве была наша сила. Но и наша слабость!

О первых четырех годах наших галактических блужданий вам говорить нечего, они описаны, рассказаны, проанализированы. То, что называли огромным успехом «Икара», захватывает и этот период. В эти первые четыре года не встретилось ни одной загадки, не распутанной нами. А чего ещё желать поисковику?

На пятый год, после четырехмесячного полёта в пустом космосе, анализаторы уловили под углом градусов в тридцать к курсу два быстро несущихся тела. Их быстрота сразу привлекла внимание: естественные тела не мчатся со скоростью почти пятьсот километров в секунду. Фома Михайловский, штурман и мой заместитель, считал, что мы повстречались с космическими кораблями. Разумных цивилизаций, вы это знаете не хуже меня, обнаружено немало, но технически развитых пока нет. Я приказал выброситься из сверхсветового в эйнштейново пространство и догонять незнакомцев. Автоматы забили тревогу: от первого корабля – если это был корабль – уловлено очень слабое излучение, из тех, что убийственны для любой организованной материи, ибо разрывают внутримолекулярные связи. Вряд ли оно могло нам серьёзно грозить – у «Икара» мощные защитные поля, – но причина для беспокойства была.

Скоро сомнений не оставалось: мы повстречались с механизмами, а не с космическими шатунами, те, кстати, в этом регионе Галактики редки. Вы, надеюсь, знаете стереоизображения этих кораблей и поэтому можете понять, как мы удивились, увидев, что они напоминают мифические «летающие тарелки», так будоражившие воображение наших предков, – правда, не сферические, а эллипсовидные. Алексей Кастор назвал их блюдоподобными чечевицами.

Корабли шли один за другим на расстоянии примерно в семьдесят—восемьдесят тысяч километров, отдаление по масштабам космоса ничтожное. На наши позывные, посланные всеми видами излучений, они не отозвались. И не было заметно, чтобы работали двигатели: искусственные сооружения летели, как мёртвые тела. По нашим понятиям это означало, что на кораблях аварийное состояние. Я приказал затормозить силовыми полями «Икара» передовой корабль, а когда приблизится второй, остановить и его.

Мы шли наперерез их курсу. Первый корабль послушно замер в объятиях наших силовых тисков, другой быстро приближался. Фома готовился затормозить и его, когда вдруг носовая часть «блюдоподобной чечевицы» ярко озарилась, погасла, вновь озарилась и вновь погасла. Так повторилось три раза, последняя вспышка была самой яркой, но и самой непродолжительной. Фома с криком «Он расстреливает передового!» включил тормозное поле такой мощности, что не только сам второй корабль, потеряв ход, закачался в силовых сетях, но и любое выпущенное им излучение мгновенно погашалось.

Если бы Михайловский сумел это сделать хоть секундой раньше, передовой корабль был бы спасён. Но теперь нам оставалось лишь наблюдать – а после нас и вам, когда на Землю доставили снимки, – как его после первого залпа охватило пламенем и как второй залп разнёс его на пылающие осколки, а третий неминуемо превратил бы все осколки в плазму, если бы Фома не предотвратил такой финал.

– Какое зверство! – воскликнула Анна Мейснер, она первая пришла в себя. Несправедливость всегда больно задевала её, а тут событие не вызвало сомнений. – Бандитизм!

Её поддержал Иван Комнин, в возбуждении не церемонившийся в выражениях, а не возбуждённым мы его почти не знали: его волновало и то, что он видел, и то, что, не видя, воображал. В Академии о нем говорили: «Иван нервничает только в двух случаях: когда дождь идёт и когда дождя нет!». Он запальчиво закричал:

– Арн, это же флибустьеры Галактики, это же пираты космоса! Проучи их силовой оплеухой! Пусть потрясутся в своей бронированной чечевице!

– Спокойней, друзья! – приказал я.

Признаюсь, я растерялся. Вообще мне не свойственна быстрота воображения, ещё экзаменационный компьютер характеризовал меня как тугодума. Когда необходима стремительность решений, я блеска не показываю. К счастью, в таинственном космосе такие экстремальные случаи гораздо реже, чем на нашей ласковой упорядоченной Земле. Заступая на дежурство, я включаю автоматы на любые аварийные возможности: с надёжными помощниками мне спокойней. Но тогда мы и мысли не допускали, что один корабль гонится за другим, чтобы его уничтожить, – да и вели они себя, как мёртвые тела, – и не дали автоматам особых программ. Я продолжал:

– Мы пока не знаем причины события. Один корабль пытался уничтожить другой, ему – с нашей помощью – это удалось. Но почему это сделано? Что это за корабли? Кто в них обретается? Не будем спешить с выводами.

На Земле потом в этом обращении к экипажу увидели мудрость руководителя экспедиции. Можете мне поверить: не было мудрости, была растерянность, было желание отстраниться от немедленных действий. А что именно такое поведение оказалось единственно разумным, объясняется объективной сутью событий. Анна, наш астрофизик, заметила, что опасное излучение шло от уничтоженного корабля, а не от преследователя и, возможно, это играет роль в катастрофе. Я попросил Михайловского не дать остаткам взорванного корабля

разлететься в космосе, и он артистически сжал в компактную кучку все обломки и пыль. Остальные наши действия определялись ситуацией: на втором корабле находились разумные существа, надо было вступить с ними в контакт.

Как и прежде, корабль не отвечал на наши сигналы. Его недавние активные действия свидетельствовали, что он обитаем. Но он снова вёл себя как тело, лишённое жизни: не делал попыток вырваться из силовых тенёт, пассивно покоился в наших полях. Мы облетели вокруг, рассматривали его сверху, снизу, с боков: он вспыхивал металлическим блеском в сиянии наших прожекторов – и это была единственная реакция на все попытки добиться связи.

– Затаились! – сердито сказал Иван. – Арн, будь осторожён. Как бы они не пальнули в нас.

Поведение странного корабля мне тоже не нравилось. Но и непрерывно кружить не имело смысла. Мы выслали автоматический космический катерок, сконцентрировав на нем охранные поля. Он пролетел под самым носом «блюдца», вернулся и спикировал на него, словно собираясь ударить. Отпора не последовало. Только что мы видели грозное орудие разрушения, с огромной стремительностью пущенное в ход. А сейчас вокруг нахально носился эдакий космический комар – и это покорно сносили. Иван перешёл от гнева к восторгу: его настроения менялись быстро:

– Ну и нервы у флибустьеров космоса! Ведь вряд ли они догадываются, что все их залпы для нас не опасней детской хлопушки!

Он преувеличивал мощь нашей защиты, сильной, но не абсолютной. Все просили о высадке на чужой корабль, я колебался. Внезапное превращение мёртвой коробки в чудовищную боевую машину заставляло ожидать любой новой неожиданности. На меня стали наседать. Я огрызнулся:

– Всем, кто не на вахте, спать! У меня нет желания завязывать контакт с космического сражения!

Спать, естественно, никто не пошёл, но терпения я добился. Час бежал за часом: Мы перестали кружить вокруг «блюдоподобной чечевицы», но не выпускали её из своих полей. Восемнадцать глаз насторожённо и недоверчиво наблюдали за чужим кораблём, он был недвижим, тёмен, бесстрастно покоился неподалёку. Временами Алексей озарял его вспышками прожекторов, поисковые лучи продолжали оконтуривать «чечевицу», сигналы всех тридцати восьми типов галактической азбуки периодически несли просьбу о связи – контакта не было. Я приказал разведочной группе готовиться к высадке на чужой корабль.

По судовому расписанию разведочная группа состоит из трех человек: командир астроинженер Гюнтер Менотти, члены – биолог Пётр Кренстон и социолог Мишель Хаяси. Мне предоставлено право дополнять группу любым членом экипажа. Я добавил в группу себя. Из трех наших разведочных катеров мы выбрали планетолёт «Гермес»: он был тихоходным, но самым оснащённым.

Вы и без меня хорошо знаете, как мы вертелись вокруг чужого корабля, отыскивая входное отверстие, и как, не найдя ничего, загерметизировали площадку на корпусе, где анализаторы показали внутренние пустоты, и как, проделав лаз, проникли внутрь, и как сразу же наткнулись на скелеты трех странных, но, несомненно, когда-то живых и разумных существ. Мертвецы показались нам громадными осьминогами, они и истлевшие – одна костяная броня и растрескавшиеся кости ног – походили на отлично выделанные чучела, а не на холмики праха, хотя при неосторожном прикосновении превращались в прах.

Кренстон ползал около трех скелетов с ручным биологическим анализатором. Этот хитроумный компьютер совершает три тысячи анализов в секунду и по результативности превосходит иную научную академию старых времён. Гюнтер и я осторожно ходили по помещению, фиксируя на плёнку стены, потолок, пол. Довольно просторный зал заполняла масса предметов, назначение их надо было ещё устанавливать. Все они были правильной геометрической формы, чаще шары, цилиндров и призм – поменьше, а кубов совсем немного. Каждый казался монолитом – как бы слиток из материала, похожего на металл, но не металлической природы. Кстати, и весь корабль был изготовлен из того же вещества. Нашего разнообразия материалов – цветных, чёрных, редких металлов, дерева, пластмасс, бумаги – здесь и в помине не было.

– Думаю, все эти предметы – аппараты управления кораблём, – сказал Гюнтер. – Странно, что каждый лежит отдельно, не видно соединительных коммуникаций.

Пётр поднялся с пола. Ему редко изменяет хладнокровие, но на этот раз он утратил контроль над своими нервами. Он чуть не кричал:

– Невероятно! Ничего не понимаю! Знаете, когда умерли восьминогие астронавты? Полтора миллиона лет назад!

Погибшие полтора миллиона лет назад пилоты на корабле, который на наших глазах вёл осмысленные боевые действия! Было от чего потерять хладнокровие! Мы засыпали Петра вопросами, но узнали лишь, что и материал, из которого изготовлен сам корабль, и все предметы в нем – того же почтённого возраста. Корабль построен ещё до того, Как на Земле появилось человечество.

– Значит, на корабле нет ничего живого? – недоверчиво спросил Хаяси.

– Именно! Ничего живого! Все перемёрло ещё в незапамятные времена, и сам корабль уже свыше миллиона лет – мёртвое тело и несётся вперёд лишь по инерции. Говорю вам, невероятно! И тем не менее реальный факт, если анализаторы не врут!

Дальнейшие наблюдения показали, что приборы наши точны, но в тот момент мы Петру не поверили. Наши разговоры передавались на «Икар» и там вызвали такую же реакцию. Все были под магией нападения одного корабля на другой: можно ли допустить, чтобы сражения вели мертвецы! Хаяси, как всегда, на каждом этапе разведки отделял факты от гипотез. Он тут же, в первом помещении чужого корабля, высказал своё мнение о событиях. К твёрдым фактам он относил, что оба космических тела – искусственные сооружения, что один уничтожил второе, что нами найдены скелеты неведомых, но когда-то живых существ, что здесь наши походные гравитаторы не нужны, ибо невесомости нет, а, наоборот, наличествует прибавка в весе примерно в полтора раза… Таких и похожих фактов накопилось уже немало, а все ли обитатели корабля – мертвецы, надо проверить. Не будем забегать вперёд, советовал он.

– Ещё один факт: мы в монолитном кубе, откуда нет прохода в другие помещения, – добавил я. – Но должны же они существовать! И надеюсь, Мишель, это не фантастическая гипотеза!

Проходы обнаружил Гюнтер. Он подошёл к одному участку стены, ничем по виду не отличавшемуся от других, и в стене вдруг появилось отверстие. Мы впервые тогда увидели самодвижущийся, саморастягивающийся самоутолщающийся материал и вытаращили глаза на самопроизвольно образующиеся проходы. Дыра в стене была как раз такой, чтобы мы гуськом могли проникнуть внутрь. Проходы создавались по габаритам идущего: если бы в экипаже «Икара» имелся слон и ему открылся бы достаточный лаз, правда, стене пришлось бы сильно утолщаться по краям такой дыры.

Второе помещение было обширней: просторный туннель длиной метров на пятьдесят, шириной метров десять и высотой пять. Наши фонари осветили с правой стороны исполинский некрополь – ряд полок, одна над другой, отгороженных прозрачными стенками от прохода, на каждой полке покоился восьмирукий скелет, а на второй стене – стереоскопические пейзажи удивительной красоты и яркости.

Мы медленно двигались вдоль многоэтажных склепов, освещая ряд за рядом, этаж за этажом. Впоследствии, установив в тоннеле светильники, мы могли свободно обозревать с одной стороны все гигантское покоище мертвецов, а с другой – любоваться всеми картинами музея, но в тот первый день и мертвецы, и картины, выхваченные снопиком света, как бы возникали из небытия: эффект был куда сильней! Скелеты лежали в определённом порядке: внизу экземпляры крупней, повыше – поменьше. Различие в размерах выражало различие возраста: одни умирали зрелыми, возможно, и состарясь, других смерть настигала в стадии созревания, кое-кто переводился на жительство в некрополь, не выбравшись из младенчества. Но когда бы ни умирали обитатели космического корабля, останки их переселялись сюда, в последнее их общежитие, ставшее вечным хранилищем.

И ещё стало ясно при первом осмотре: в некрополе сохранялись не скелеты однажды посаженного экипажа, а много их генераций. Потом мы установили, что для корабля требовалась команда в двадцать взрослых особей, владевших профессиями навигаторов. Корабль, стартовавший откуда-то из центральных районов Галактики, вела небольшая группа специалистов звездоплавания. Скелетов же было больше тысячи. Медленно передвигаясь от одного пятиэтажного саркофага к другому, я мысленно видел их – восьмируких, молодых, энергичных, полных жажды выполнить какое-то важное задание, ради него пустившихся в дальний полет. Шли годы, десятилетия, пошло на тысячелетие, одна тысяча лет напластывалась на другую – анализатор определил десять тысяч земных лет для полного жизненного цикла одной особи, – народилось на корабле новое поколение, его обучили звездоплаванию, оно переняло эстафету родителей, те переселились сюда, вон там, в дальнем углу некрополя, начинали они скелетную историю загадочного полёта.

А полет продолжается, старится вторая генерация, вырастает третья, самая многочисленная, почти в сто особей, они стремятся вперёд, но, не достигнув цели, тоже занимают свои места в саркофагах. Тысячелетие идёт за тысячелетием, одна генерация по-прежнему сменяет другую, постепенно количество новых астронавтов уменьшается, их становится снова два десятка, как раз то число, что требуется для надёжного обслуживания корабля, а полет не прерывается, цель не достигнута, надо спешить. Но вот их уже меньше двадцати. Эти крайние справа полки – свидетели катастрофического падения рождаемости. Недалеко уже и до последних трех, умерших на своём посту, среди непонятных нам аппаратов, и уже не было живых товарищей, чтобы перенести их тела в некрополь. А полет все продолжается, ибо неведомая цель не достигнута, ибо таинственное задание не выполнено, – продолжается ещё полтора миллиона земных лет, все продолжается, все продолжается… Куда они стремились? В чем цель их бесконечного полёта?

После осмотра некрополя мы повернули к музею. Сегодня все восхищаются творениями на стенах мёртвого корабля и каждый школьник может сдать экзамен по технике стереооттисков. Но вообразить себе наше удивление, когда мы открыли, что ярчайшие краски картин к тому, что у нас называют красками, никакого отношения не имеют, что весь цветовой спектр создан лишь разной глубиной оттиска на непонятном материале стен, а разная глубина оттиска исчисляется миллимикронами – на ощупь картины идеально гладки, а меняя освещение, мы заставляем их вспыхивать разными цветами. Впрочем, удивление перед техникой рисунка пришло позднее, в те минуты нас больше интересовало содержание картин. Все эти сценки быта и работы на странной планете, источенной пещерами – жильём и заводами восьмируких. астронавтов, – видимо, были нанесены на стены, чтобы путешественники помнили далёкую родину: появление многих генераций, родившихся на корабле и назначенных там умереть, несомненно, заранее планировалось. С некоторых картин на нас глядели живые, те, кто миллионы лет уже покоился в саркофагах, они были странны и привлекательны, над восемью гибкими сочленениями – ноги и руки одновременно – вздымалась крутая, лобастая голова, в ней светились два удивительных глаза – два огня, два приёмника света, два факела, мощные, пронзительно-умные, безысходно-печальные…

– Нет, эти глаза не только для зрения! – вырвалось у Хаяси. – Они разговаривали глазами!

– Не удивлюсь, если глаза у них – и орудие нападения, а не только зрения и беседы, – заметил Гюнтер. – К тому же – электрической природы. Как по-твоему, Арн?

Я пожал плечами. Разве можно определять по рисунку, правда искусному, какова физиология существ, о которых мы ещё день назад и не подозревали? Одна из картин показала, что такая возможность есть: изображение тесной каморки, вроде той, где лежали три истлевших трупа. В ней стояли уже знакомые нам монолитные ящики, а перед ними распластались два восьмируких существа; глаза их, обращённые на ящики, буквально пылали.

Вдалеке виднелся передовой корабль. Картина менялась, когда мы проходили мимо, создавалась иллюзия, что передовой корабль сошёл с центра, а второй меняет курс, чтобы постоянно держать его в центре.

– Прицеливаются, – оценил картину Гюнтер. – Когда происходило такое событие, Пётр?

– Вероятно, два миллиона лет назад, – сказал Кренстон.

В это время Фома передал, чтобы я возвращался на «Икар». Он послал на Латону по сверхсветовому ротонному каналу сообщение о двух неизвестных галактических кораблях, база вызывала меня. Пришлось на время прервать осмотр.

На Латоне начальство било нетерпение, оно требовало подробных сводок. Попутно меня хлестнули строгим «втыком» за непростительное упущение: я, видите ли, спокойно лицезрел, как уничтожают уникальнейшее, неповторимое, необычайное и прочее создание каких-то неизвестных, уникальных, необычайных и прочее разумных цивилизаций, – понимаю ли я, что так вести себя нехорошо? Я так огрызнулся, что ротонный канал в ошеломлении отключился. Обо мне тогда говорили, что подчинённым у меня хорошо, а для начальства я тяжкий крест на плечах. Но ведь космический разведчик ведёт свободный поиск, а не заносит рейсовые километры в распланированный график! Мой старый друг, всегда улыбающийся Кнут Марек, начальник Главной Галактической базы, коварно попросил повторить ответ в выражениях, более приемлемых для переадресовки Земле. Воображаю, как он злорадно ухмылялся при этом, ведь все его указания, предписания и просьбы полным текстом ротанируются на Землю, в отличие от наших докладов, которые он бессовестно редактирует. Конечно, там узнают, что я сам смягчил свой отчёт. Но я ничего не имел против того, чтобы и Земля по мелочам не вмешивалась в моё дело, и хладнокровно добавил, что раньше чем через неделю о подробных сводках речь не пойдёт.

Картина происшествия прояснилась достаточно для предварительного отчёта, но тысячи тонких вопросов ждут ответа – так начал я спустя неделю своё сообщение базе. Описав встречу с двумя кораблями, я попросил товарищей продолжать.

Первой говорила Елена Витковская. Оба они, Елена и Пётр, астробиологи, знатоки форм галактической жизни. Она как аналитик дотошней Кренстона – немаловажное преимущество при изучении загадочных явлений жизнетворчества, зато он шире в оценках и лучше экспериментирует – тоже доброе качество для поисковика. Но если надо докладывать совместные результаты их работ, он тушуется, она же расцветает. Елена отличный оратор, а начальство – не только на Латоне, но и на далёкой Земле – её прямо-таки обожает, это древнее выражение точно описывает настроение, с каким принимаются её доклады. Причина достаточно прозаическая: всех, и меня в своё время тоже, поражало, что такая очень хрупкая, очень красивая, очень женственная особа так по-мужски жёстко развивает неопровергаемые аргументы. То, что именуется мужской логикой, ей свойственно больше всех нас, вместе взятых. Ещё в студенческие годы я узнал в курсе древней истории, что некогда компанию осуждённых вели на эшафот и единственная в той компании женщина, с презрением поглядев на своих партнёров, громко сказала: «Палач, начни с меня, я одна мужчина среди этих баб». Уверен, что в аналогичной ситуации наша Елена Прекрасная звучно, чётко, ясно попросила бы гильотинировать её первой, ибо остальные недостойны такой чести. Нет, я не ругаю Елену, я ею восхищаюсь.

Она информировала Латону, что восьмирукие астронавты – существа живые (были, конечно), углеродно-кремниевой природы, практически безбелковые, жизненные реакции у них почти нацело исчерпываются созданием в организме биологического электричества – каждая особь могла бы функционировать в качестве аккумулятора и генератора. В физиологическом цикле отсутствует пищеварение, кровообращение, дыхание и тому подобное – вероятно, этим и объясняется долголетие, почти в сто раз превосходящее наше. Уникален их

мозг – при весе взрослой особи в 150—170 килограммов мозг весит 15—16 килограммов, то есть 10 процентов всей массы тела; практически астронавты – только мозг, заключённый в жёсткую оболочку, питающийся электричеством и передвигающийся при помощи восьми руконог. Совершенство мозга порождает высокую интеллектуальность, чему доказательство технический уровень корабля и найденные в нем предметы искусства. Что же до излучений погибшего корабля, то они генерировались находившимся на нем и почти начисто распылённым грузом. Характер груза по сохранившемуся пеплу надо исследовать в стационарных условиях большой лаборатории, но нет сомнений, что он очень опасен для углеродно-кремниевых организмов и, безусловно, губителен для белковых, то есть для человека, земных животных и растений.

«Отлично, Витковская, прекрасный анализ!» – прислала база ротонограмму. Можно было заранее не сомневаться, что даже скептик и ироник Кнут Марек не поскупится на похвалы.

Наши астроинженеры Гюнтер Менотти и Алексей Кастор докладывали вторыми. В конструкции обоих кораблей существенно нового они не нашли ни в принципе, ни в оформлении. Лет двести назад одно земное конструкторское бюро разработало примерно такой же корабль, но в серию его не взяли: тихоходен, в обычном пространстве не выше одной десятой скорости света при длительном разгоне, а о выходе в сверхсветовую область тогда и не мечтали, хотя уже была установлена возможность аннигилирования пространства с превращением его в «пепел сгоревшей пустоты». Монолитные ящики оказались аппаратами – командными и исполнительными. Движение шло за счёт тяги на жёстких фотонах: каждый корабль – генератор гамма– и рентгеноизлучений. Электричество, создаваемое организмами самих астронавтов, служило им для управления аппаратами фотонной тяги. В этом месте голос Гюнтера сделался торжественным: он подходил к главному своему открытию. Астронавты вели управление не руками, хотя их у каждого хватало, а глазами: не так приёмники света, как излучатели накопленной в теле энергии, глаза передавали команды аппаратам. За два столетия знакомства людей с иными звёздными народами человечество ещё не встречалось со столь удивительным органом, как эти глаза. Биологам и физикам предстоит специально исследовать, как возможна такая оптико-электрическая структура. Нашу пассивную систему, именуемую зрением, пора бы уже улучшить – и хорошо бы воспользоваться для этого новыми открытиями «Икара».

– Что до гибели первого корабля, то она тривиальна, – закончил Гюнтер. – Залп произведён автоматами из гамма—лазера средней мощности. Аналогичные орудия в арсенале человечества куда могучей. Учиться уничтожению материальных тел у восьмируких астронавтов бесполезно. Команда на выстрел срабатывала, когда передовой корабль попадал в зону досягаемости, что в данном случае равно отдалению в сотню километров. Короче, и прицельность и эффективность удара невелики, хоть цель достигнута – правда, после двух миллионов лет бесперспективной погони и нашей непредвиденной помощи.

Хаяси, завершая доклад, сжато и точно излагал то, что считал твёрдо установленным. Если Елена Витковская непробиваемо логична, то у Хаяси пренебрежение к логическим построениям. Его божество – факт. Его манера разговора: «Наблюдалось ещё такое явление…». Как-то во время трудного ночного дежурства на Латоне, измученный, я воскликнул: «Да наступит ли когда-нибудь день?». Он совершенно серьёзно отозвался: «Было бы рискованно отрицать такую возможность!» – и удивился, что я захохотал, – сам он не увидел в своём ответе ничего смешного. Сколько раз я добивался от него: «А что из этого факта следует, Мишель?». Он холодно прищуривал немного раскосые глаза: «Из этого факта следует, что такой факт существует». Вместе с тем у него дьявольская интуиция. Он наблюдает внешность, а видит сущность. В анализе загадок он опережает саму Елену. Если бы не эта способность, он был бы средненьким социологом, а гениальный Крон Квама объявил его

своим лучшим учеником – такая рекомендация кое-чего стоит! Я вписал его вторым после себя, когда укомплектовывал экипаж «Икара», и никогда не раскаивался.

Он информировал Латону, что один корабль преследовал другой, чтобы уничтожить. На первый корабль в своё время погрузили вещества, опасные для любой формы жизни, – возможно, чтобы отвезти подальше и там ликвидировать. Допустимо, что автоматика взрыва не сработала и корабль, лишённый пилотов, умчался в глубины космоса. За ним снарядили погоню. Понимая, что в течение одного поколения нагнать беглеца, вероятно, не удастся, запланировали преследование в течение ряда поколений. Тридцать девять генераций астронавтов, то есть около 400 000 земных лет – они все живут Мафусаилов век, – тянулся этот космический марафон. Последние три астронавта, умирая, настроили автоматы на огонь, когда беглец попадёт в зону досягаемости. Остальное время – полтора миллиона лет – полет продолжался по инерции с одинаковой скоростью. А когда передовой корабль затормозил, автоматы сработали. Вот и все, что можно более или менее достоверно доложить о происшествии.

– Мне кажется, ты нового не сказал, Мишель, по сравнению с тем, что мы знаем, – заметил Иван, когда передача закончилась.

– Я докладывал не тебе, а Кнуту Мареку, а он не знает того, что знаешь ты, – спокойно возразил Хаяси.

В эту ночь дежурил Иван Комнин. Я пришёл к нему в рубку. Я часто посещал Ивана на дежурстве. Мне нравились его рассказы. По штату он судовой медик, но знает все, что необходимо каждому астроразведчику, и ещё многое сверх того. В часы отдыха он играет на скрипке, декламирует стихи – и всегда находит слушателей. Я сел на диван. Он не повернулся ко мне.

– Ты чем-то расстроен, Иван? Расскажи, не утаивая.

В отличие от невозмутимого Хаяси, на лице Ивана отпечатывается любая смена настроений. В больших тёмных, с поволокой, с почти синими белками глазах светилась печаль – чувство, недопустимое для астроразведчика на вахте.

– Не расстроен, нет. Но как бы сказать, Арн? Я восхищаюсь и грущу. Эти восьмирукие астронавты!.. Какая судьба!

Я попросил объяснений.

– Понимаешь, думаю: смог бы поступить, как они? Родиться на корабле и знать, что на корабле умрёшь, и дети твои умрут, и праправнуки… Ибо впереди мчится опасный груз, не для тебя опасный, не для твоих соплеменников на отдаляющейся родине, а для кого-то, кого ты не знаешь, кого, возможно, и вообще-то нет. И ты свою жизнь и жизнь своих потомков отдаёшь, чтобы уберечь этих неведомых тебе существ от гипотетической опасности. «Жизнь свою за други своя», – говорили в старину.

– Судьба как судьба. Сложились бы у нас такие обстоятельства, и мы действовали бы похоже. Не вижу причин для грусти, Иван.

– Не знаю, Арн. Ты, возможно, действовал бы, как они, ты такой. Но о себе не скажу…

– Зато я скажу о тебе: выполнил бы свой долг, какие бы сомнения ни одолевали. И добавлю: оставь эти мысли для отдыха, сейчас они неуместны. И грусть по случаю их горестного конца, и восхищение их благородством – чувства не служебные, поверь мне.

Иван сердито отвернулся к пульту. Я засмеялся. Мне часто казались забавными смены его настроений. И меньше всего я собирался им угождать. Меня в тот момент интересовали загадки, связанные с конструкцией незнакомых кораблей, особенностями жизни восьмируких космонавтов, системы их боевых орудий и навигационных аппаратов – в общем, механика, физика и биология, а не философия. Наше задание на галактический поиск состояло из двух десятков пунктов, и все они требовали освещения природы дальних уголков космоса, а не решения моральных проблем. Лишь спустя изрядное время я начал понимать, что

такой пробел в задании происходит оттого, что у каждого всегда предполагается естественный интерес к тому, что можно назвать моралью у инозвездных цивилизаций. Между прочим, как раз наши странствования в Галактике привели к тому, что проблемы, называвшиеся философскими, стали вписываться в навигационное задание, – и я сам торжественно внёс в кодекс астронавигатора некоторое их число. Может быть, вас позабавит, что именно Иван Комнин сказал мне потом с удивлением: «Арн, в древности философия считалась служанкой богословия, а ты ныне превращаешь её в технический раздел астронавигации». Я на это хладнокровно ответствовал: «Наоборот, техническую астронавигацию довожу до высоты общегалактической философии!»

Но повторяю, до такого понимания оставалось совершить много рейсов, а в те дни все душевные переживания, выходившие за рамки вписанных в рейсовый паспорт, казались мне психологическим излишеством, чуть ли не нарушением служебной дисциплины. Я бы соврал, если бы сказал, что размышления Ивана сколько-нибудь поколебали эту мою позицию. Но я совершил бы и просчёт, отрицая, что разговор с Иваном одновременно вызвал во мне какие-то смутные сомнения, усилившиеся вскоре настолько, что я попытался рассеять их строгими предписаниями новых рейсовых назначений.

Дело в том, что Иван нашёл слушателей гораздо благодарней меня. Анна Мейснер сочувствовала Ивану, даже когда остальные от него отмахивались. И она, по мере того как убийственный груз первого корабля становился все доказательней, все чаще с восторгом говорила о благородстве преследователей. В салоне горячо толковали о высоком навигационном задании, воодушевлявшем миллионы лет назад погибших астронавтов. У меня создалось впечатление, что разговоры такие как бы специально предназначались для меня, – достаточно мне было появиться в салоне, чтобы они разгорелись. Однажды я потерял терпение и поинтересовался, чего, собственно, Иван и Анна от меня добиваются. Иван промолчал. Анна воскликнула:

– Арн, неужели тебя не тянет познакомиться с благородными восьмирукими?

– Я познакомился с их трупами, Анна, и не вижу возможности продолжить дальше наше знакомство.

Хаяси высоко поднял брови над слегка раскосыми глазами. Он, естественно, не мог упустить случая поиронизировать.

– Не ожидал, чтобы капитан сверхмогущественного галактического крейсера «Икар» видел так мало возможностей в предписанном нам свободном поиске.

Я повернулся к молчаливому Михайловскому – в дискуссиях он почти всегда предпочитает отделываться сочувствием и улыбками, обращёнными поочерёдно ко всем спорящим.

– Фома! Не сомневаюсь, ты уже проделал нужные вычисления. Сообщи, откуда и с какого отдаления стартовали оба корабля.

Михайловский объявил, что, принимая продолжительность полёта в два миллиона лет, а скорость и направление считая неизменными, он рассчитал, что корабли стартовали с отдаления в три тысячи световых лет по оси от созвездия Стрельца на нас.

– Сейчас я покажу вам, какие вижу огромные возможности в свободном поиске и как эти блестящие возможности безжалостно пресекаются нашим начальством, – сказал я сердито. – Иван, ты сам передашь мою ротонограмму Мареку.

В ротонограмме я извещал Латону, что нас очень заинтересовала цивилизация восьмируких астронавтов и мы просим «добро» на поиски звёздных гнездовий этой цивилизации. Как я и предполагал, Марек откликнулся категорическим отказом. Он не ограничился простым запретом, а потребовал, чтобы мы срочно демонтировали что можно с оставшегося корабля, если нельзя его целиком переместить в наш трюм, собрали остатки уничтоженного и возвращались на Латону. Это было больше того, что я ожидал. Видимо, что-то на базе случилось. Марек любил наваливать трудные задания, бесцеремонно – с улыбкой и шуточ-

ками – подстёгивать нас, но, когда поиск шёл, не запрещал уже начатого дела: обследование сохранившегося корабля он не прервал бы без важных причин.

Глава третья
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОПАСНИК ПЛАНЕТЫ ХАРЕНА-2

Остатки взорванного корабля легко уместились в трюме, а с целым пришлось повозиться. Марек советовал демонтировать самое важное, а остов корабля бросить в космосе. Но нам представлялось важным все, все члены экипажа понимали уникальность нашей космической находки. Гюнтер с Алексеем предложили разрезать мёртвый корабль на три части. И если вы теперь, юноша, можете любоваться в Музее Космоса на Земле целёхоньким внушительным сооружением со всеми его аппаратами и некрополем почти сорока генераций восьмируких звездоплавателей, то надо благодарить наших астроинженеров, сумевших расчленить огромное сооружение, практически ничего в нем не повредив.

Мы запустили рейсовые аннигиляторы пространства, когда ни одной несобранной чужой пылинки вокруг «Икара» уже не было. И Фома Михайловский перекрыл опоздание с отходом на Латону рекордом сверхсветового бега.

На Латоне Марек встретил меня так, словно моё появление снимало с его плеч невидимый тяжкий груз.

– Признавайся, Кнут Марек, ты ведь готовишь нам что-то внеплановое и довольно пакостное? – сказал я. – Сужу по твоей улыбке. Сегодня она прямо-таки обворожительна. Это меня тревожит.

– Ты угадал, Арн, – сказал Марек, и ослепительная его улыбка, столь известная по миллиардам изображений, погасла.

– У нас происшествие. Но прежде, пожалуйста, разъясни, ты не устал? Четыре года странствий… В отпуск не хочется? Зелёная земная травка, пляжи, приёмы…

– Танцы, увлечения, интрижки… Перестань кривляться, Кнут Марек! Ещё одно слово в этом роде, и я от восторга начну плясать на твоём столе. И не ручаюсь, что расставленные на нем роскошные безделушки уцелеют.

Он вздохнул – кажется, непритворно – и на всякий случай положил обе руки на стол: я приучил его к тому, что далеко не все мои угрозы высказываются в шутку. На огромном его столе и вправду лежало много редкостей с разведанных планет, в том числе и наши, из прежних рейсов «Икара», дары.

Поначалу рассказ Марека меня не заинтриговал. На Харене-2, населённой муравьеподобными полуразумными существами, разорвали в клочья двух землян, не только не дававших повода для зверской расправы, но, скорей, заслуживавших благодарности, инженеры Комиссии Межзвёздной Помощи, они вели строительство ирригационных объектов, крайне нужных харенам. Причины трагического события непонятны. Не согласился бы я пробежать на Харену и оказать помощь бригаде растерявшихся землян? Я посоветовал Мареку послать опытного детектива: расследование убийств не входит в служебные обязанности косморазведчиков. Если «Икар» на Латону вызвали ради этого, то можно было бы не расходовать активное вещество, которое он, Марек, выдаёт крайне скупо.

– Ты прав, – уныло подтвердил Марек. – Нет, не об активном веществе, у нас его запасы пополнились. Но, пожалуйста, не сердись, пока я не кончу. Расследование убийства произведено. И очень опытными людьми. Но ничего не дало! Харены твердят, что убитые – «государственные опасники» – придумали же такой дикий термин! – но в чем опасность, объяснить не смогли. Боюсь, мы столкнулись с каким-то новым явлением, а кому же изучать новые явления, как не разведчикам космоса?

Я заколебался:

– Посовещаемся с экипажем, Марек.

Он удивился, и кажется, искренне, а не для вида.

– До сих пор я думал, что твои сотрудники покорно соглашаются со всем, что ты пожелаешь.

– Просто я никогда не желаю того, что им не по душе. Они покорно подчиняются лишь тому, чего сами хотят, – не без язвительности разъяснил я.

Вообще-то я понимал, что у Марека есть резон просить нас. Странная это планета – Харена-2: открыта задолго до того, как построили «Икар», но доныне космические лоции рекомендуют без особой нужды на ней не высаживаться. Я назвал харенов полуразумными, но лишь в том смысле, что их разум только частично совпадает с нашим, а во многом – нечто для нас несусветное. С таким же успехом и они могли бы назвать нас полуразумными – не следует этот точный термин путать с оскорбительным «полоумный».

Так или иначе, но я не был уверен, закономерен ли наш рейс на Харену-2. Все, что мы до сего совершали в поиске, находилось очень далеко от нового задания Марека. Я не скрыл своих сомнений от экипажа. Но все дружно согласились, что помочь нашим друзьям на Харене-2 нужно. Пётр Кренстон доказывал, что задача косморазведчиков – находить и изучать все новое в космосе. И если мы пока исследовали одни физические объекты и явления, то это свидетельствует о том, что мы делаем лишь первые шаги в космическом поиске. Для чего в состав экипажа введён астросоциолог Мишель Хаяси? Чтобы распутывать загадки вроде трагедии на Харене, разве не так? Сам Хаяси довольно хладнокровно воспринял патетическое обращение Петра к нему. Он деловито посоветовал:

– Арн, испроси разрешения на вмешательство в социальную структуру харенов. Боюсь, без этого успеха не будет, а ты знаешь, как строго Земля наказывает за попытки насадить у туземцев наши порядки без их согласия. Крона Кваму столько раз хлестали выговорами!

– Попрошу, но не раньше, чем это станет необходимо, – ответил я, и Хаяси успокоился.

Так начался рейс на Харену. Марек честно выполнил обещание, трюмы «Икара» так полно загрузили дефицитнейшим активным веществом для аннигиляторов пространства, что мы могли бы промчаться к ядру Галактики и вернуться обратно, если бы получили разрешение на такой отчаянный рейс. В пути мы смотрели стереофильмы о Харене-2. Планета была со странностями, но нестранных обитаемых планет, по-моему, в Галактике нет. Земля, на взгляд других разумных народов, тоже диковинна. У Земли и Харены-2 есть много общего. Звезда Харена – жёлтый старичок, как и наше Солнце, планеты – четыре:

Харена-1 – раскалённая пустыня, Харена-2 похожа на Марс, только аммиака побольше, две дальние – глыбы застывшего газа. Жизнь развилась лишь на второй планете. Организмы – белкового типа, но не дышат, а питаются воздухом, насыщенным аммиаком. Наш дуализм дыхания и еды харенам кажется чудовищным излишеством. Возможно, они правы. Во всяком случае, им проще жить: нет проблемы голода, атмосфера густая и питательная, её на всех хватает. Иван, глядя фильмы, попечалился за людей, лишённых такого важного преимущества, как отсутствие заботы о хлебе насущном. Каких высот достигло бы человечество уже в неандертальстве, не принуждай его горькая судьба периодически заполнять желудок! По облику харены похожи на муравьёв, но размером с дога: поднимаясь на задние ноги, становятся вровень с нами. Бегают они так, что угнаться за ними можно только на авиетке, но чаще летают, чем бегают. Полет харенов уникален, другого такого не открыто. Они раздвигают ребра груди, она превращается в разновидность пустого бочонка, и тело, ставшее легче атмосферы, взлетает. Полет равнозначен питанию: вверху аммиака больше, чем внизу, харены вдосталь его наматываются и, отяжелев, скользят вниз.

Наибольшее отличие харен от землян – в ином способе мыслить, узнали мы в одном стереофильме. У них нет речи, нет письменности, нет обмена информацией. Каждый харен

– особь, ибо особ физически. Но мыслят они сообща. Все общество – единый мозг, повторяющий свои мысли у каждого. Встречаясь с любым хареном, встречаешься со всем народом сразу. Демонстрировался забавный эпизод: один из землян случайно толкнул оказавшегося рядом харена, тот упал – и моментально попадали все, кто был поблизости и вдали, за пределами видимости. Даже летевшие в этот миг в верхних слоях импульсивно сжали свои бочкообразные талии и стреканули вниз.

Физиологические отправления у харенов индивидуальны: каждый питается за себя, а не за друзей и недругов. Общими являются лишь мысли и высшие чувства. Упавший харен испытал страх, страх вызвал мысль об опасности, а та привела в панику все общество. Землянам рекомендовалось соблюдать на Харене предельную осторожность: нормальных на Земле и иных планетах разговоров здесь нет. То, что узнает один, одновременно узнают все. Любое невинное сообщение может стать поводом для паники, ярости, ужаса, всеобщего бегства или всеобщего восстания. Все харены настроены на одну мыслительную волну, именно так, единым мозговым излучением, они и мыслят. И людям для любого индивидуального контакта надо выражать свои мысли в этом излучении, то есть доводить сразу до всех.

– Не удивительно, что при таких массовых паниках два астроинженера стали жертвой, – с возмущением сказала Анна, когда экран погас. Она даже побледнела от волнения. – Жить на вулкане безопасней, чем на Харене!

– Нам, однако, не сообщили ни одного факта, почему харены объявили двух наших парней «государственными опасниками» и так зверски расправились с ними, – задумчиво заметил Михайловский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.